А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы

С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва **№ 210** **29 сентября 2026 года**

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе …., с участием заявителя В. и адвоката К., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе В. от 18 мая 2026 года (вх. № … от …) в отношении адвоката К. (регистрационный номер … в Едином государственном реестре адвокатов),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 17 июня 2026 года вынесла заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1. ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом К. своих профессиональных обязанностей перед доверителем В., выразившемся в том, что, приняв поручение по оказанию доверителю консультаций и представлению его интересов по гражданскому делу № … (…, …), рассматриваемому С. районным судом города Москвы, он не разъяснил В. особенностей исчисления срока исковой давности по требованиям о разделе общего имущества супругов, не сообщил ему об отсутствии оснований для заявления об истечении срока исковой давности по требованиям Ч. к В. о разделе общего имущества супругов, а напротив, утвердительно заверял доверителя В., что в судебном заседании по указанному гражданскому делу он заявит о пропуске Ч. срока исковой давности по требованиям о разделе имущества, ошибочно полагая, что срок исковой давности истцом пропущен, а также сообщил доверителю неверные сведения об исчислении срока исковой давности по встречным исковым требованиям В. к Ч. о взыскании ½ суммы платежей, внесенных им в счет погашения ипотечного кредита, с даты полной оплаты платежей по кредиту

(с ноября 2023 года), не разъяснив ему, что срок исковой давности исчисляется с даты каждого платежа, произведенного одним из супругов в счет погашения общей кредитной задолженности супругов, а не с даты полного погашения кредита;

2) о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1. ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом К. своих профессиональных обязанностей перед доверителем В., выразившемся в том, что, приняв поручение В. по представлению его интересов в судебных заседаниях по гражданскому делу № … (…, …), рассматриваемому С. районным судом города Москвы, он перепоручил оказание юридической помощи по представлению интересов доверителя В. по указанному гражданскому делу в судебном заседании 07 февраля 2025 года юристу Щ., оставив тем самым доверителя без квалифицированной юридической помощи, а также 17 февраля 2026 года – адвокату Г., не согласовав его участие в указанном гражданском деле с доверителем и не заключив с доверителем соответствующего дополнительного соглашения к Соглашению об оказании юридической помощи;

3) о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5, п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом К. своих профессиональных обязанностей перед доверителем В., выразившемся в том, что, приняв поручение по представлению интересов доверителя по гражданскому делу № …. (…,…), рассматриваемому С. районным судом города Москвы, он подал в суд следующие документы: встречное исковое заявление от 16 октября 2024 года, возражение на исковое заявление от 16 октября 2024 года, ходатайство об истребовании доказательств от 27 ноября 2024 года, встречное исковое заявление (уточненное) от 06 февраля 2025 года, частную жалобу от 12 февраля 2025 года, встречное исковое заявление (уточненное) от 23 марта 2026 года, ходатайство об истребовании доказательств от 23 марта 2026 года, ходатайство о вызове эксперта от 23 марта 2026 года, – в которых проставил свою подпись возле фамилии подписанта – В., не указав своей фамилии и инициалов, статуса адвоката и процессуального положения представителя ответчика, создав тем самым видимость того, что указанные документы подписаны лично доверителем В., а не его представителем – адвокатом К., чем подорвал доверие к себе как к адвокату и к адвокатуре в целом, а также создал риски возвращения судом указанных документов по формальным основаниям;

4) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката К. по жалобе В. от 18 мая 2026 года (вх. № … от …), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской

деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель В. в заседании Совета пояснил, что с заключением Квалификационной комиссии ознакомлен, не согласен с выводом Комиссии о необходимости прекращения дисциплинарного производства, полагает, что юридическая помощь адвокатом была оказана в целом неквалифицированно. Полагает необоснованным вывод Комиссии о недостаточной конкретизации своих претензий к адвокату, настаивает на привлечении его к дисциплинарной ответственности в том числе и за ненадлежащее оказание юридической помощи, а также пассивное поведение в суде. Поддержал свои письменные возражения (вх. № … от …), в которых подробно указал, с какими именно выводами Комиссии не согласен и по какой причине, и просил направить дисциплинарное производство на новое разбирательство в Квалификационную комиссию в данной части, а также высказал мнение о необходимости применения в отношении адвоката К. меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса.

Адвокат К. в заседании Совета пояснил, что заключение Квалификационной комиссии получил, с выводами Комиссии в части прекращения дисциплинарного производства согласился, с выводами об установленных в его действиях нарушениях согласился частично. Пояснил, что признает свои ошибки как в части неверного консультирования доверителя относительно порядка исчисления сроков исковой давности по первоначальному и по встречному иску, так и в части не согласованного с доверителем привлечения к участию в судебных заседаниях юриста Щ. и адвоката Г. Вместе с тем, не согласен с квалификацией его действий по подписанию процессуальных документов от имени доверителя. Полагает, что не имел никакого умысла выдать свою подпись за подпись доверителя, никак не мог подорвать этими действиями доверие к себе и к адвокатуре, а также не создавал рисков возвращения судом указанных документов по формальным основаниям. Просил не наказывать его строго и учесть, что он единственный кормилец в семье. В подтверждение этих обстоятельств представил копии свидетельств о рождении двух несовершеннолетних детей и справку о том, что его супруга является инвалидом 2 группы.

Рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав его участников, Совет признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, и по этой причине не находит оснований для направления дисциплинарного производства Квалификационной комиссии для нового разбирательства (тем более, в какой-либо части, как об этом просит заявитель). Вместе с тем, с выводами Комиссии Совет частично не соглашается и считает необходимым изменить объем дисциплинарных обвинений, как описано ниже.

Заявителем В. в отношении адвоката К. выдвинуты следующие дисциплинарные обвинения:

1) в том, что он действовал вопреки воле заявителя, не подав в судебном заседании 23 марта 2026 года заявление о пропуске истцом Ч. срока исковой давности по заявленным требованиям;

2) в неверном консультировании относительно применения срока исковой давности по требованиям заявителя о взыскании ½ суммы платежей, внесенных в счет погашения ипотечного кредита;

3) в ином ненадлежащем оказании адвокатом К. юридической помощи, а именно:

– в неподготовке и неподаче уточненного возражения на уточненные исковые требования истца Ч. с приложением дополнительных письменных доказательств, переданных адвокату К. заявителем;

– в неподготовке и неподаче встречного расчета стоимости ценных бумаг;

– в заявлении в судебном заседании 17 января 2025 года ходатайства по требованиям, не заявленным во встречном исковом заявлении;

– в заявлении необоснованного ходатайства о вызове в суд эксперта, некорректном изложении замечаний по экспертизе;

– в пассивной позиции в судебном заседании 23 марта 2026 года;

– во введении заявителя в заблуждение о ходе движения дела, несвоевременном информировании о существенных аспектах судебного разбирательства и несогласовании с доверителем поданных процессуальных документов;

– в том, что адвокат К. настаивал на неучастии заявителя в судебных заседаниях;

4) в неучастии в судебных заседаниях 07 февраля 2025 года и 17 февраля 2026 года и в перепоручении представления интересов заявителя в суде иным лицам без согласования с доверителем;

5) в фальсификации подписей доверителя на процессуальных документах, а именно в подписании их не от своего имени как представителя, а от имени заявителя.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

16 августа 2024 года В. М.О. [*Впоследствии фамилия изменена на Ч. – Примечание Совета*] обратилась С. районный суд города Москвы с исковым заявлением к В. о разделе совместно нажитого имущества супругов. 27 августа 2024 года между адвокатом К. и доверителем В. было заключено Соглашение об оказании юридической помощи, в соответствии с п. 1 которого адвокат К. принял на себя обязательства проконсультировать доверителя В., а также представлять его интересы «в судах первой инстанции по иску к ИП С. О.С. и по гражданскому делу № …». Согласно п. 2.1, 2.2 Соглашения доверитель выплачивает адвокату вознаграждение в размере 120 000 рублей. Все дополнительные расходы оговариваются с доверителем отдельно и не входят в сумму вознаграждения, указанную в п. 2.1 Соглашения.

13 сентября 2024 года В. выдал доверенность, которой уполномочил адвоката К. и Щ. на представление его интересов во всех судах общей юрисдикции и «мировых судах» с правом подписи и подачи исковых заявлений и иных процессуальных документов.

Заявитель В. перевел на личный банковский счет адвоката К. денежные средства в общем размере 135 600 рублей. 30 сентября 2024 года адвокат К. направил заявителю в мессенджере копию квитанции к приходному кассовому ордеру от 30 сентября 2024 года № .., выданную Коллегией адвокатов «З.», о принятии от В. денежных средств в размере 120 000 рублей по Соглашению от 27 августа 2024 года № ….

16 октября 2024 года по гражданскому делу № … (№ …, № …), рассматриваемому С. районным судом города Москвы, В. было подано встречное исковое заявление к В. М.О. о разделе общего имущества супругов, а также поданы возражения на иск В. О.М. к В. о разделе имущества. 12 ноября 2024 года мировому судье судебного участка № … района «Д.» города Москвы было подано исковое заявление В. к С. О.С. о защите прав потребителей, возбуждено гражданское дело № …, по которому состоялось несколько судебных заседаний. 13 декабря 2024 года по указанному гражданскому делу вынесено решение о частичном удовлетворении исковых требований, которое вступило в законную силу 14 января 2025 года.

По гражданскому делу № … (№ …, № …) состоялись многочисленные заседания С. районного суда города Москвы, определением суда от 07 февраля 2025 года по делу была назначена судебная экспертиза. 23 марта 2026 года судом вынесено решение, которым исковые требования Ч. (прежняя фамилия – В.) к В. и встречные исковые требования В. к Ч. удовлетворены частично. 07 апреля 2026 года на указанное решение суда В. подана апелляционная жалоба.

24 мая 2026 года адвокат К. перевел на банковский счет заявителя В. денежные средства в размере 15 600 рублей. Также адвокат К. направил заявителю акт об оказании юридических услуг от 23 марта 2026 года, на который заявитель В. ответил мотивированным отказом от его подписания от 08 июня 2026 года.

Рассматривая дисциплинарные обвинения, касающиеся неправильных действий (бездействия) и консультаций адвоката К. по вопросу об истечении срока исковой давности, Совет отмечает следующее.

По утверждению заявителя, адвокат К. после их неоднократных обсуждений обещал заявить об истечении срока исковой давности по требованиям истицы о взыскании компенсации ½ стоимости автомобиля, о взыскании ½ стоимости неотделимых улучшений жилого дома, принадлежащего заявителю, ½ суммы денежных средств, находящихся на его банковских счетах, в последнем судебном заседании, чтобы сформировать «эффект неожиданности», однако этого не сделал. Адвокат К., в свою очередь, пояснил, что разъяснял заявителю отсутствие оснований для подобного заявления, поскольку истицей не был пропущен срок исковой

давности по первоначальному иску. Из решения суда и протоколов судебных заседаний следует, что ответчик В. не заявлял о пропуске истицей срока исковой давности и вопрос об этом судом не исследовался. Указанным решением суда установлено, что брак, заключенный между В. и Ч. 07 августа 2009 года, был расторгнут 12 октября 2023 года. При этом истица указала, что фактически брачные отношения сторон спора прекращены с 07 августа 2021 года. Ответчик В. эти обстоятельства подтвердил, в том числе в своем встречном исковом заявлении.

Согласно п. 1 ст. 196 и п. 1 ст. 200 ГК РФ общий срок исковой давности составляет 3 года со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права. Согласно п. 2 ст. 199 ГК РФ исковая давность применяется судом только по заявлению стороны в споре, сделанному до вынесения судом решения. Истечение срока исковой давности, о применении которой заявлено стороной в споре, является основанием для отказа в иске.

В пункте 19 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 05 ноября 1998 года № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» разъяснено, что течение трехлетнего срока исковой давности для требований о разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов, брак которых расторгнут (пункт 7 статьи 38 СК РФ), следует исчислять не со времени прекращения брака (дня государственной регистрации расторжения брака в книге регистрации актов гражданского состояния при расторжении брака в органах записи актов гражданского состояния, а при расторжении брака в суде – дня вступления в законную силу решения), а со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права (пункт 1 статьи 200 ГК РФ).

Согласно п. 2 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2022), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 01 июня 2022 года, «срок исковой давности может быть применен лишь к требованиям о разделе общего имущества супругов, брак которых расторгнут, при этом *такой срок начинает исчисляться с момента, когда бывшему супругу стало известно о нарушении своего права на общее имущество, но не ранее времени расторжения брака*. На раздел общего имущества супругов, который может быть произведен в период брака, исковая давность в силу статьи 9 СК РФ не распространяется».

Таким образом, адвокат К. как профессиональный советник по правовым вопросам был обязан знать и исходить из того, что срок исковой давности к требованиям о разделе имущества супругов В. и Ч. начал исчисляться не ранее 12 октября 2023 года, когда их брак был расторгнут. Соответственно, Ч. не пропустила срок исковой давности (3 года), подав 16 августа 2024 года исковое заявление к В. о разделе общего имущества супругов. При таких обстоятельствах адвокат К. не нарушил прав заявителя, не заявив суду о пропуске истицей срока исковой давности и не имел оснований для такого заявления. Однако адвокат К. не разъяснил доверителю

описанные правила исчисления срока исковой давности и не сообщил ему об отсутствии оснований для заявления о его истечении. Напротив, он заверил В. в обратном, пообещав заявить в судебном заседании о пропуске срока исковой давности по требованиям Ч.

Кроме того, адвокат К. не разъяснил доверителю В. предусмотренные п. 2 ст. 200 ГК РФ и п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2015 года № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» особенности исчисления срока давности по обязательствам с определенным сроком исполнения, а именно то, что течение этого срока по ним начинается по окончании срока исполнения, отдельно по каждому просроченному платежу. Именно на этом основании истица Ч. заявила об истечении срока исковой давности к встречным исковым требованиям В. о взыскании ½ суммы денежных средств, уплаченных им по кредитному договору, а суд с этим согласился.

Адвокат К. сообщил доверителю неверные сведения об исчислении срока исковой давности по этим его требованиям не с даты внесения каждого отдельного платежа по кредиту, а с даты полного погашения кредита (ноября 2023 года).

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Комиссией, признает ненадлежащим, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1. ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение адвокатом К. профессиональных обязанностей перед доверителем В. при описанных обстоятельствах.

К такому же выводу Совет приходит и в отношении дисциплинарного обвинения в оставлении адвокатом К. доверителя без юридической помощи и перепоручении представления его интересов в суде иным лицам. Адвокат К. действительно не участвовал в судебных заседаниях по указанному гражданскому делу 07 февраля 2025 года и 17 февраля 2026 года и без согласования с заявителем перепоручил представление его интересов в суде Щ. (в заседании 07 февраля 2025 года) и адвокату Г. (в заседании 17 февраля 2026 года), квалификацией которых заявитель не удовлетворен.

При этом заявитель В. уточнил, что Щ. была включена в доверенность по настоянию адвоката К. для выполнения технической помощи, а правовые основания для участия в качестве его представителя Г. ему вообще неизвестны.

Адвокат К. в ходе дисциплинарного разбирательства вначале утверждал, что согласовал с заявителем представление его интересов в судебных заседаниях юристом Щ. или адвокатом Г. в случае своей занятости. В заседании Совета он признал это нарушение, однако сослался на «проходной» характер судебных заседаний, в которые он не явился. В связи с выдвижением адвокатом К. этого довода Совет вновь отмечает недопустимость подобного деления адвокатом судебных заседаний на «сущностные» и «технические» («проходные»), поскольку адвокат не может

достоверно знать заранее, какие именно вопросы, требующие оказания доверителю квалифицированной юридической помощи могут возникнуть в судебном заседании. Такое недопустимое деление ни при каких обстоятельствах не может являться основанием неявки адвоката в судебное заседание.

По смыслу положений ст. 1 и 2, пп. 1 п. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат должен лично оказывать доверителю квалифицированную юридическую помощь, предусмотренную принятым поручением. Установленная пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката обязанность адвоката при осуществлении профессиональной деятельности честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально, своевременно, активно отстаивать и защищать права, свободы и законные интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и Кодексом профессиональной этики адвоката, также предполагает личное и непосредственное участие адвоката в оказании юридической помощи доверителю. Надлежащее исполнение этих требований исключает возможность произвольного перепоручения адвокатом исполнения профессиональных обязанностей перед доверителем иным лицам.

Заявитель, заключив с адвокатом К. Соглашение об оказании юридической помощи от 27 августа 2024 года, предусматривающее обязанность адвоката представлять интересы доверителя в указанном деле и выдав ему доверенность, обоснованно полагал, что адвокат К. не только подготовит процессуальные документы по указанному делу, но также будет участвовать от его имени в судебных заседаниях при рассмотрении указанного спора судом. Иные лица могут участвовать в исполнении этого поручения наряду с адвокатом К., но не вместо него, тем более – без согласования с доверителем. При этом ответственность перед доверителем за надлежащее оказание ему квалифицированной юридической помощи во всех случаях несет адвокат.

Довод адвоката К. о наличии у него предусмотренного п. 3.4.3 Соглашения полномочия привлекать к исполнению поручения других адвокатов, юристов, специалистов, иных лиц Совет отклоняет как несостоятельный, во-первых, исходя из сказанного выше, а во-вторых, поскольку указанным условием Соглашение предусмотрено, что адвокат вправе привлекать на договорной основе специалистов для разъяснения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи, а также иных третьих лиц, других адвокатов для надлежащего осуществления юридической помощи, *путем оформления дополнительных соглашений и (или) отдельных договоров.* При этом никаких отдельных договоров на оказание юридической помощи В. ни с юристом Щ., ни с адвокатом Г. не

заключалось, и доверителем такое перепоручение оказания ему квалифицированной юридической помощи не согласовывалось.

С учетом изложенного, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1. ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом К. профессиональных обязанностей перед доверителем В. при описанных обстоятельствах.

Вместе с тем, дисциплинарные обвинения, связанные с иными проявлениями оказания адвокатом К. заявителю неквалифицированной юридической помощи, не нашли подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства. В этой связи Совет, прежде всего, отмечает, что в соответствии с положениями пп. 6-7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката лицо, требующее привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, должно не только указать в жалобе конкретные обстоятельства, подтверждающие доводы жалобы, но также и подтвердить их соответствующими доказательствами. Конкретность обвинения является общеправовым принципом и необходимой предпосылкой реализации лицом, против которого выдвинуто обвинение, права на защиту. В отсутствие должной конкретизации обвинения все сомнения толкуются в пользу лица, против которого выдвинуто обвинение в ненадлежащем поведении.

Доводы жалобы В. о том, что адвокат К.: (1) должен был подготовить и подать, но не подал уточненные возражения на уточненные исковые требования Ч. с приложением дополнительных письменных доказательств, переданных ему заявителем, а также встречный расчет стоимости ценных бумаг; (2) занял пассивную позицию в судебном заседании 23 марта 2026 года; (3) ввел заявителя в заблуждение о ходе движения дела, несвоевременно информировал о существенных аспектах судебного разбирательства; (4) не согласовал с доверителем поданные процессуальные документы; (5) настаивал на том, чтобы заявитель не принимал участия в судебных заседаниях, – соответствующими доказательствами не подтверждены. При этом адвокат К. данными дисциплинарные обвинения отрицает, утверждая, что согласовал с доверителем тактику по делу и поданные в суд документы, представил суду для приобщения к материалам дела те документы, которые, по его мнению, были необходимы для проведения экспертизы и обоснования позиции доверителя, и никогда не настаивал на том, чтобы заявитель не принимал участия в судебных заседаниях. В заседании Совета адвокат К. дополнительно пояснил, что при обсуждении тактики опровержения заключения эксперта предложил доверителю привлечь специалиста, который мог бы подготовить рецензию на заключение эксперта для обоснования ходатайства о назначении дополнительной либо повторной экспертизы. Однако В. отказался оплачивать услуги специалиста.

Из материалов дисциплинарного производства следует, что адвокат К. подготовил и 16 октября 2024 года подал возражения на исковое заявление В. (Ч.) М.О. о разделе общего имущества супругов; встречное исковое заявление В. к В. (Ч.) М.О. о разделе общего имущества и долгов супругов. Кроме того, он подал письменные ходатайства об истребовании доказательств по указанному гражданскому делу от 27 ноября 2024 года, от 06 февраля 2025 года, от 23 марта 2026 года; уточненное встречное исковое заявление В. от 06 февраля 2025 года, частную жалобу от 12 февраля 2025 года на определение суда о назначении экспертизы; уточненное встречное исковое заявление В. от 23 марта 2026 года; письменное ходатайство о вызове эксперта от 23 марта 2026 года. Помимо этого, адвокат К. обсуждал с заявителем необходимость заявления тех или иных доводов, ходатайств, представления доказательств, а также тактику перед судебными заседаниями, направлял заявителю проекты процессуальных документов. Однако факт обсуждения таких вопросов между адвокатом и доверителем сам по себе не свидетельствует ни об обязанности адвоката подготовить каждый обсуждавшийся документ, ни о том, что заявитель дал адвокату четкое и недвусмысленное поручение, которое осталось неисполненным. Заявителем не представлено бесспорных доказательств того, что адвокат К. должен был, но не выполнил конкретные действия, порученные доверителем. Не обосновал заявитель и того, что неподача адвокатом К. уточненных возражений и контррасчета повлияла на исход дела или ограничила его права, поскольку соответствующие доводы могли быть представлены суду и иными способами. Вопреки доводу заявителя о пассивной позиции адвоката К. в судебном заседании 23 марта 2026 года, из протокола судебного заседания следует, что адвокат К. довел до суда правовую позицию доверителя, активно отстаивал его интересы.

Доказательств того, что отказ от выступления в прениях привел к принятию неправильного решения по делу либо лишил истца возможности представить суду значимые сведения, заявителем не представлено, как не представлены им и доказательства того, что адвокат К. ввел его в заблуждение относительно хода движения дела, несвоевременно информировал о существенных аспектах судебного разбирательства, не согласовал с ним поданные процессуальные документы, настаивал на его неучастии в судебных заседаниях. Напротив, содержание переписки участников дисциплинарного производства свидетельствует о том, что адвокат К. сообщал заявителю сведения об исполнении поручения, согласовывал с ним тактику ведения дела, направлял проекты процессуальных документов, отвечал на вопросы заявителя о необходимости подготовки тех или иных документов, о ходе судебных заседаний и о процессуальных действиях. Относительно участия заявителя в судебных заседаниях адвокат К. лишь высказывал свое мнение, оставляя окончательное решение за заявителем.

Доводы заявителя о подаче адвокатом К. ходатайства по требованиям, не заявленным во встречном исковом заявлении, о необоснованности

ходатайства о вызове в суд эксперта, некорректном изложении замечаний к заключению эксперта не конкретизированы. Так, заявитель не пояснил (в том числе и в письменных возражениях на заключение Квалификационной комиссии), какие именно заявленные адвокатом К. ходатайства он имеет в виду, какие именно доводы он не указал в своем ходатайстве о вызове эксперта, в чем выразилась некорректность изложения замечаний к заключению эксперта. В целом, заявитель не привел ни одного конкретного довода о том, какие именно согласованные им с адвокатом К. тактические действия последний не совершил, какие именно его прямые поручения не исполнил, какую именно позицию по делу не согласовал.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает, что заявителем не приведены конкретные обстоятельства и подтверждающие их доказательства, свидетельствующие об обоснованности доводов его жалобы об оказании адвокатом К. неквалифицированной юридической помощи. Проверка же всей тактики ведения адвокатом К. дела заявителя не может быть предметом дисциплинарного производства, поскольку такая проверка не входит в компетенцию дисциплинарных органов адвокатского самоуправления. Формирование тактики и стратегии ведения дела, в том числе принятие решений о необходимости и целесообразности совершения конкретных процессуально значимых действий, во всех случаях относится к исключительной компетенции самого адвоката, который по своему статусу, закрепленному законодательно (п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), является независимым профессиональным советником по правовым вопросам. Самостоятельное толкование закона также является неотъемлемым правом адвоката в силу этого статуса.

Общими ориентирами для адвоката при этом служат положения п. 2 ст. 2 и п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а также предписания соответствующего отраслевого законодательства. Критической оценке со стороны органов адвокатского самоуправления могут быть подвергнуты только такие нарушения норм законодательства и требований профессиональной этики, которые свидетельствуют о неисполнении адвокатом профессиональных обязанностей перед доверителем или о наступлении негативных публично-правовых последствий.

Таким образом, дисциплинарное производство в этой части подлежит прекращению.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в фальсификации адвоката К. подписей доверителя и совершении тем самым действий, направленных к подрыву доверия, Совет не может согласиться с выводами Квалификационной комиссии.

Заявитель указывает в жалобе, что адвокат К. сфальсифицировал его подписи на следующих процессуальных документах: встречном исковом заявлении от 16 октября 2024 года, возражении на исковое заявление от 16

октября 2024 года, ходатайстве об истребовании доказательств от 27 ноября 2024 года, встречном исковом заявлении (уточненном) от 06 февраля 2025 года, ходатайстве об истребовании доказательств от 06 февраля 2025 года, частной жалобе от 12 февраля 2025 года, ходатайстве об истребовании доказательств от 17 февраля 2026 года, встречном исковом заявлении (уточненном) от 23 марта 2026 года, ходатайствах об истребовании доказательств и о вызове эксперта от 23 марта 2026 года, копии заявления об ознакомлении с материалами дела с отметкой о приеме судом. По мнению заявителя, указанные документы подписаны адвокатом К. не от своего имени в качестве представителя, а от имени заявителя, что свидетельствует о фальсификации подписей.

Адвокат К. пояснил, что все перечисленные процессуальные документы были согласованы с доверителем и заранее подготовлены с учетом того, что он (доверитель) имел намерение явиться в судебное заседание и подписать их, однако в заседание суда не явился, в связи с чем возникла необходимость подписания указанных документов самим адвокатом как его представителем. Он ставил на документах свою подпись, не пытаясь подражать подписи заявителя, поэтому ни о какой фальсификации их содержании или подписи не может идти речь. При этом он как представитель В. имел полномочия на подписание процессуальных документов, и у него отсутствовал какой-либо разумный мотив для их фальсификации. Свою фамилию в этих документах адвокат К. не указал по забывчивости, так как торопился. Эти объяснения адвоката К. не опровергнуты.

В соответствии с пп. 4 п. 2 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат, оказывая юридическую помощь, участвует в качестве представителя доверителя в гражданском и административном судопроизводстве. Согласно п. 1 ст. 54 ГПК РФ представитель вправе совершать от имени представляемого все процессуальные действия. Однако право представителя на подписание искового заявления, предъявление его в суд … предъявление встречного иска … обжалование судебного постановления… должно быть специально оговорено в доверенности, выданной представляемым лицом. В соответствии с п. 4 ст. 131 ГПК РФ исковое заявление подписывается истцом или его представителем при наличии у него полномочий на подписание заявления и предъявление его в суд. Согласно п. 4 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ судья возвращает исковое заявление в случае, если исковое заявление не подписано или исковое заявление подписано и подано лицом, не имеющим полномочий на его подписание и предъявление.

Из приведенных норм следует, что адвокат К., действуя в качестве представителя В. на основании доверенности с соответствующими полномочиями, был вправе подписывать любые процессуальные документы от имени доверителя. При этом подпись адвоката К. в качестве представителя доверителя для суда юридически равнозначна подписи его доверителя В. Иными словами, при подписании перечисленных документов

адвокат К. действовал в пределах своих полномочий, не превысил их и не вводил в заблуждение ни доверителя, ни суд.

Ссылка Квалификационной комиссии на ГОСТ Р 7.0.97-2025 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Организационно-распорядительная документация. Требования к оформлению документов», утвержденный Приказом Росстандарта от 26 июня 2025 года № 622-ст, равно как и ГОСТ Р 7.0.8-2025 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения», утвержденный Приказом Росстандарта от 28 января 2025 года № 30-ст, не влияет на оценку профессионального поведения адвоката К., поскольку этими документами не регулируются правила профессиональной этики адвоката. Кроме того, указанные стандарты вступили в силу после подписания и подачи в суд рассматриваемых документов.

Не оспаривая тот факт, что неуказание адвокатом К. своего процессуального статуса представителя В., а также фамилии и инициалов не в полной мере соответствует правилам оформления подобных документов, Совет полагает, что этот дефект документов не может рассматриваться в качестве этического нарушения, совершенного умышленно или по грубой неосторожности, и тем более – в качестве действий, направленных к подрыву доверия к адвокату или к адвокатуре. Совет также отмечает, что этот дефект не был расценен судом как нарушение процессуального законодательства, а довод Квалификационной комиссии о том, что подписание процессуальных документов адвокатом при вышеизложенных обстоятельствах создало риски их возвращения по формальным основаниям, что могло негативно сказаться на правах доверителя, носит характер предположения и не может быть положен в основу дисциплинарного обвинения.

При таких обстоятельствах Совет, вопреки заключению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в правовой квалификации деяния адвоката и толковании норм Кодекса профессиональной этики адвоката, приходит к выводу о том, что в данной части дисциплинарных обвинений презумпция добросовестности адвоката не была опровергнута, а дисциплинарное производство подлежит прекращению.

Квалификационная комиссия правильно указала в заключении, что адвокат К. представлял интересы доверителя В. в суде на основании доверенности, не предъявляя ордер и удостоверение адвоката, что не соответствует требованиям п. 1 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» во взаимосвязи с п. 5 ст. 53 ГПК РФ. Вместе с тем, поскольку заявителем такое дисциплинарное обвинение не выдвинуто, Квалификационная комиссия и Совет лишены возможности формулировать правовые выводы в указанной части.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в

отношении адвоката К. за совершенные нарушения, Совет принимает во внимание их грубый характер, сопряженный с игнорированием основополагающих требований о надлежащем исполнении обязанностей перед доверителем, а также свидетельствующий о проявленных адвокатом самонадеянности и недостаточной компетентности в вопросах, составлявших предмет принятого им поручения. Такое профессиональное поведение адвоката К. Совет признает недопустимым. Вместе с тем, Совет учитывает, что адвокат К., имеет значительный стаж адвокатской деятельности, не имеет дисциплинарных взысканий, допущенные нарушения в целом признал. При таких обстоятельствах, а также с учетом сообщенных адвокатом К. и приведенных выше семейных обстоятельств Совет предоставляет ему возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и полагает необходимым применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения, как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката. Совет также полагает необходимым указать адвокату К. на необходимость неукоснительного исполнения законодательно установленных (пп. 3 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») обязанностей постоянно совершенствовать свои знания самостоятельно и повышать профессиональный уровень в установленном порядке, а также исполнять решения органов адвокатского самоуправления, принятые в пределах их компетенции.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Применить к адвокату К. (регистрационный номер … в Едином государственном реестре адвокатов) меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

– ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1. ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем В., выразившееся в том, что, приняв поручение по оказанию доверителю консультаций и представлению его интересов по гражданскому делу № … (…, …), рассматриваемому С. районным судом города Москвы, он не разъяснил В. особенностей исчисления срока исковой давности по требованиям о разделе общего имущества супругов, не сообщил ему об отсутствии оснований для заявления об истечении срока исковой давности по

требованиям Ч. к В. о разделе общего имущества супругов, а напротив, заверил доверителя В., что заявит в судебном заседании по указанному делу о пропуске Ч. срока исковой давности по требованиям о разделе имущества, ошибочно полагая, что срок исковой давности истцом пропущен, а также сообщил доверителю неверные сведения об исчислении срока исковой давности по встречным исковым требованиям В. к Ч. о взыскании ½ суммы платежей, внесенных им в счет погашения ипотечного кредита, с даты полной оплаты платежей по кредиту (с ноября 2023 года), не разъяснив ему, что срок исковой давности исчисляется с даты каждого платежа, произведенного одним из супругов в счет погашения общей кредитной задолженности супругов, а не с даты полного погашения кредита;

– ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1. ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем В., выразившееся в том, что, приняв поручение В. по представлению его интересов в судебных заседаниях по гражданскому делу № … (…, …), рассматриваемому С. районным судом города Москвы, он перепоручил оказание юридической помощи по представлению интересов доверителя В. в судебном заседании 07 февраля 2025 года юристу Щ., оставив тем самым доверителя без квалифицированной юридической помощи, а также 17 февраля 2026 года – адвокату Г., не согласовав его участие в указанном гражданском деле с доверителем и не заключив с доверителем соответствующего дополнительного соглашения к Соглашению об оказании юридической помощи.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката К. по жалобе В. от 18 мая 2026 года (вх. № … от …), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы **С.Б. Зубков**